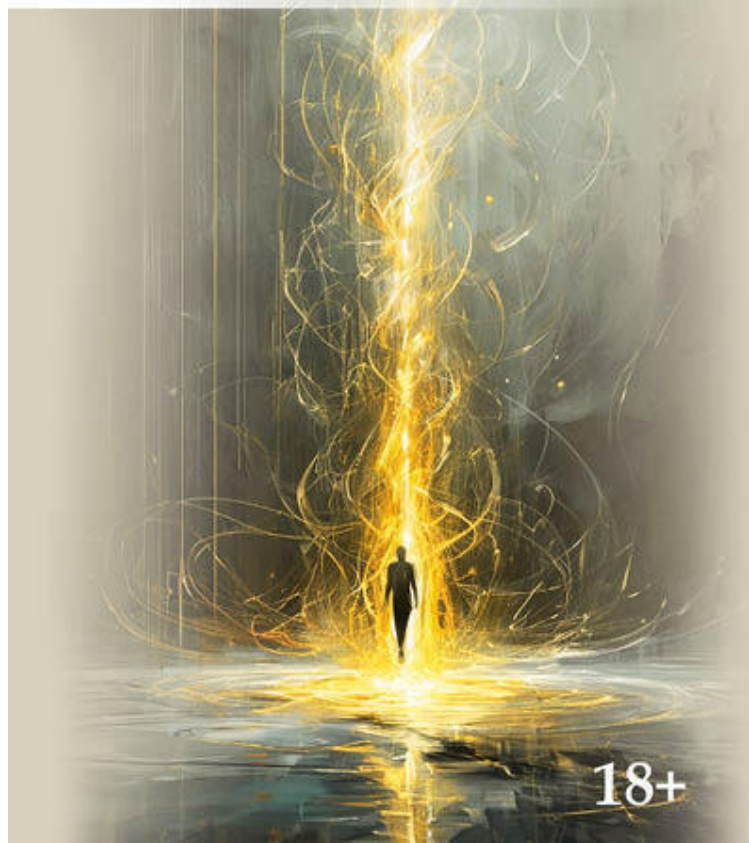

Сборник

ОВРЕМЕННИКИ
И КЛАССИКИ

ЗА ГРАНИ ЗАПРЕТНОГО СВЕТА

18+

Елена Наливина
Современники и
классики. Выпуск 2. За
границ запретного света
Серия «Современники и
классики (Березина)», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74174206

За границы запретного света:

ISBN 978-5-6055644-5-4

Аннотация

В сборник «За границы запретного света» из серии «Современники и классики» вошли произведения финалистов и лауреатов Московской литературной премии-биеннале – 2024–2026. В частности: проза писателей Булата Арсала, Владимира Андреева, Татьяны Велес, Андрея Колосова, Тимура Муртазина, Марии Пиронко. Поэзия представлена в сборнике стихотворениями Анны Гельсингфорской и Ольги Черновой, а также поэмой Василия Ловчикова. В редком жанре драматургии создано произведение Сергея Лагунова «Вести из Парагвая».

Сборник «За границы запретного света» станет хорошим подарком любителям современной литературы.

Содержание

Предисловие	5
Роман	7
Булат Арсал	7
Агапея	7
Часть II	7
Малая проза	34
Татьяна Велес	34
Баба Маня	34
Андрей Колосов	74
Сегодня	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

За грани запретного света

© Интернациональный Союз писателей, 2026

Предисловие

Второй выпуск сборника произведений номинантов Московской литературной премии-биеннале 2024–2026 озаглавлен строкой из стихотворения поэтессы Анны Гельсингфорской. И в ней смысл любого творческого процесса, особенно создания литературных произведений.

Путь литературы – в вечном поиске скрытых смыслов, ощущений, переживаний, оттенков восприятия – всего, что открывает для читателя новые миры. И какая важная и ответственная миссия лежит на творце! Чем станет открытый им мир: порталом в бесконечность, ответом на насущный вопрос или содержимым ящика Пандоры?

Готовы рискнуть и открыть для себя миры, созданные авторами этого сборника?

Проза в этом сборнике представлена прекрасными рассказами Андрея Колосова, Тимура Муртазина, Татьяны Велес и Марии Пиронко. Проза Булата Арсала уже давно завоевала любовь читателей. В этом выпуске талантливый донецкий писатель представит фрагмент романа «Агапея».

В какие только дали не заносит воображение писателей-фантастов! В наше время уже и Марс кажется давно обжитым местом. В рассказе Владимира Андреева читатель узнает о суровых буднях охранника марсианского космопорта: тут и пейзажи Новой Москвы, и тревожные сообщения

канала «Всемирные новости», и даже пилюля бессмертия.

Несомненно, порадует читателей глубокая лирическая поэзия Ольги Черновой и Анны Гельсингфорской.

Создание поэмы – несомненно, серьёзное испытание для поэта. Этот жанр требует безукоризненного владения техникой стиха, чтобы строить сюжет и создавать интересных героев. И, конечно, удивит читателей представленная в этом выпуске сборника поэма Василия Ловчикова «Сказ о Генеральном директоре».

Драматургия – достаточно редкий гость в литературных сборниках. Писателей, работающих в этом жанре, немного, так как он требует знания сложных законов и владения специфической техникой. Предлагаем вашему вниманию пьесу Сергея Лагунова «Вести из Парагвая». Место действия – Париж, время – незадолго до рождения Эйфелевой башни. В небольшом произведении будет открыта одна из тайн европейской истории.

Вперёд вместе с нами, за грани запретного света!

Ольга Грибанова,

филолог, прозаик, поэт, публицист,

шеф-редактор журнала «Российский колокол»

Роман

Булат Арсал

**Агапея
(роман)**

**Часть II
Глава шестая**

Прошла целая неделя, как Агапея вернулась в свою квартиру. Хотелось скорее пойти в институт и заново устроиться на работу, однако страшный синяк, расплзшийся по всей правой стороне лица, показывать на людях было нельзя. Головная боль в затылке продолжала мучить, особенно по ночам, а отбитые коленки сказывались на ходьбе. В общем, не до походов по магазинам и прогулок по пахнущему близкой весной городу.

В ту страшную ночь, когда Михаил привёз её из секретной тюрьмы СБУ, она твёрдо решила вернуться к себе. Остановить её никто даже не посмел. Такой разъярённой, остерве-

нело-разгневанной её не видела за всю жизнь даже родная бабушка. Михаилу нечего было ей сказать, а робкая попытка что-то объяснить и успокоить жену наткнулась на ожесточённую контратаку Агапеи:

– Не смей мне ничего говорить! Просто заткнись и дай спокойно собраться. Или что? Расстреляешь под забором, чтобы молчала? Давай! Рука не дрогнет, и глаз не моргнёт?! Так, что ли?!

Свекровь никак не могла взять в толк, что случилось, но, увидев лицо невестки, решила, что между молодыми произошло что-то нехорошее.

– Миша, это ты её ударил?

– Мама, что ты такое говоришь?! – вскричал Михаил.

– Нет, Оксана Владимировна, он меня не ударил! – обратилась к свекрови Агапея по имени и отчеству. – Он меня сегодня убил! Семью нашу разрушил! Любовь мою растоптал!

Бедная женщина села на стул и начала причитать:

– Да что же это делается? Объясните мне, старой дуре, что произошло? Доченька, Агапушка, пожалей! Скажи же мне, какая кошка меж вас пробежала?

– Мама, не надо сейчас об этом. Агапея, не стоит ничего говорить.

– Ах, не стоит? Нет уж! Коли я узнала, то пусть и мать твоя знает, какого иуду и выродка она на свет произвела! – диким ором вскричала девушка.

В Агапее в это мгновение сидела настоящая пантера, готовая броситься на обескураженного Михаила, который к тому же выглядел крайне встревоженным.

– Что ты такое говоришь, дочка? Мой сыночек хороший, – тихо произнесла старая несчастная женщина.

Агапея уже успела побросать свои вещи в большую сумку и начала запихивать всё подряд в чемодан на колёсах. Закончив и это действие, надела куртку, обулась. Сделала звонок в такси и потащила сразу обе ноши на улицу, с трудом протискиваясь сквозь двери в прихожей. Вдруг она остановилась, повернулась лицом к матери супруга и наконец выдала:

– Ваши муж и сын, Оксана Владимировна, – упыри и каратели из банды «Азов»! И я их не боюсь! Теперь я их ненавижу! А вам, мама, дай Бог здоровья и долгих лет!

– Опомнись, Агапея. Мы муж и жена. Мы же венчаны. – Михаил снова сделал робкую попытку остановить, но тут же пожалел.

– Кем венчаны? Попом-раскольником? При каких свидетелях? При твоих братках-упырях, заливших нашу свадьбу кровью? А сколько они ещё крови пролили у вас в застенках. Бедная бабушка была права, и её смерть на моей совести, потому что, как идиотка, поверила тебе. Теперь ты мне не муж! Слава Богу, на вашу ублюдочную хохляцкую фамилию не успела перейти! А вот это оставь себе на память! – выкрикнула она ещё громче и бросила ему в лицо маленькую коробочку с надписью «Тест на беременность». – Стреляй в

меня, заодно и ребёночка своего грохни! Да, может, оно и к лучшему?

Она выбила дверь ногой наружу и широким шагом вышла прочь со двора. Такси ожидало у ворот, и это первое, что порадовало Агапею за весь вечер.

* * *

Может ли человек измениться так кардинально, что порой даже близкие люди не могут узнать привычного тихоню в охамевшем держиморде или героя-забияку в миролюбивом пацифисте? Определённо для подобных метаморфоз должна быть какая-то причина, толчок, повод. Люди, прошедшие войну не в штабах и в глубоком тылу, знают не понаслышке истории превращения на вид смелого человека в пугливого зверька, а чахлого хлипака – в героя, способного остановить танк на поле боя.

Но меняется ли человек на самом деле? Неужели можно раз и навсегда выпотрошить начисто своё внутреннее содержание, сложенное годами, начиная с детства и даже младенчества? Разве реально перевернуть своё персональное эго, как песочные часы, вверх тормашками, чтобы пересыпать себя самого сызнова? Видимо, да... Хотя есть на этот счёт сомнение. И вот почему... Кто-то задумывался о том, как вдруг в человеке проявляются непривычные для него черты характера? Допустим, что они всегда были в нём. Спали се-

бе спокойно, не выпендриваясь, на нижних полках самосознания, зашифрованные в формуле совокупности правил перевода последовательности генов в последовательность белков. Долго так посапывали, похрапывали, что даже сам живой обладатель данного генетического кода просто не догадывался о своих постояльцах. И вот свершилось нечто. Бабах вселенского масштаба, тарарам общественной морали, форс-мажор городской канализации – и мы видим перед собой совершенно иное общественное существо, всё ещё относящееся к биологическому виду «человек разумный», но обладающее обновлённым разумом и трансформированным сознанием. Кто-то скажет: «Зов предков греет наши вены и барабанит в наших висках». И будет на все сто баллов прав.

Видимо, подобное преобразование случилось и с Агапеей в тот злосчастный вечер, и вот она снова у себя на малой родине, в своей маленькой уютной квартире, где прошли лучшие годы её молодой жизни. Здесь каждая вещь напоминает о рано ушедших родителях, о маме, бабуле, о счастливом детстве... В этом её собственном мире не будет ничего, что могло бы напоминать о недавнем прошлом. Она удалит даже фотографии в телефоне. Обручальное кольцо она выкинет, потому что нельзя допустить, чтобы его кто-то купил, носил и получил свою долю несчастья, выпавшего на бывшую обладательницу. На развод она подаст сама и как можно раньше, пока не родился ребёнок... Он не будет носить отчество отца, он не будет носить украинскую фамилию Павлюк. Он

будет только её ребёнком с греческой фамилией Димитракис и с отчеством от имени Артём...

Решения приняты, страничка перевёрнута, до понедельника ещё пять дней, и синяк должен сойти, а на работу выходить надо быстрее, так как теперь все заботы ложатся на саму себя.

Хмурое февральское небо по-прежнему нагоняло тоску противной изморосью, но Агапею это нисколько не расстраивало. Сегодня двадцать третье февраля, день, в который они с бабушкой всегда приходили на могилу родителей. Нет, это не было датой их гибели. Истинная причина – День Советской Армии и Военно-Морского Флота. После прихода к власти нацистской хунты его запретили праздновать и подносить цветы к памятникам воинов. Но никто не мог запретить приходить на кладбище и возлагать цветы на могилу военного моряка, который был сыном и отцом для маленькой семьи Агапеи и Антонины Георгиевны.

Девушка надела большие солнцезащитные очки, которые когда-то в молодости носила бабушка, повязала вокруг лица тёмный платок и уже собиралась отворить замок, как раздался звонок в дверь. Имевшая плачевный опыт Агапея громко и с вызовом в голосе задала вопрос:

– Кого нелёгкая принесла?!

За дверью молчали, но кто-то явно пошаркивал ногами и тяжело дышал.

– Отвечайте или не открою! – ультимативно добавила

Агапея.

– Это я, дочка... мама, – слышалось с другой стороны.

Девушка повернула замок, резко распахнула дверь и, не давая свекрови шанса войти в комнату, вышла в подъезд и затворила за собой вход в квартиру.

– Извините, Оксана Владимировна, мне сейчас не до вас. Сегодня День Советской Армии и Флота, а мой отец был советским и российским военным моряком. Хотя кому я это всё рассказываю?

Старая женщина уцепилась обеими руками за локоток Агапеи и тут же начала причитать:

– Донечко! Зглянься хоча б наді мною! Ти ж дитя носиш від мого сина, онука мого. Поверніться додому. Ми тобі нічого поганого не скажемо. І Валерій Миколайович переживає. І Мишко місця не знаходить!¹

Агапея отвела руки свекрови от себя и спокойным, убийственным тоном проговорила:

– Будьте добры со мной отныне говорить по-русски. После того как меня избивали и допрашивали на вашей мове, слушать её нет никакого желания и терпения. Про внука можете даже не думать. А станете меня доставать, то просто сделаю аборт. Ни о вашем муже-палаче, ни о вашем сыне я ничего слышать не хочу никогда и ни при каких обстоятельствах.

¹ Доченька! Сжался хотя бы надо мною. Ты ж дитя носишь от моего сына, внука моего. Вернись домой. Мы тебе ничего плохого не скажем. И Валерий Николаевич переживает. И Мишка места не находит (укр.).

– Ты же не такая злая, доченька. Они мне поклялись, что никогда никого не убивали. Они просто выявляли шпиёнов, – продолжала жалостливо стонать старая женщина.

– Не доченька я вам! – резко отрезала Агапея. – Сослуживцы вашего сына пришли сюда не за мной, а за моей мамой. Ей было восемьдесят шесть лет, и она продолжала работать учителем в школе до последнего дня. Вы и её в шпионы занесли? Как же они её тогда боялись, коли даже после смерти решили арестовать... Если она враг вам, тогда считайте и меня сепаратисткой. – Агапея коротко перевела дух и продолжила: – Кто-то ведь эти списки составлял, и кто-то по ним забирает людей на улицах и в домах, мучает, убивает. Вам хоть теперь стало понятно, с какой мерзостью вы живёте, а мне пришлось ложиться в постель? Да я теперь даже когда моюсь, то по три раза себя мочалкой с мылом оттираю. До сих пор запах пота вашего выродка на коже слышу.

– Ой, не верю я тебе. Грех так говорить. Чистый Миша, – твердила толстая старуха, пока они спускались к выходу из подъезда.

Агапея поняла, что в чём-то убеждать несчастную женщину бесполезно, и на прощание задала давно назревший в её голове вопрос:

– Скажите, Оксана Владимировна, вы уверены, что бывшие хозяева дома, где вы живёте, не похоронены где-нибудь между грядок в вашем огороде?

Вопрос ошаршил старуху, она замолчала, а девушка взя-

ла и добила.

– А вы покопайте, покопайте. Кости-то ещё, наверное, не совсем истлели, – сказала Агапея и, удовлетворённая ступором в глазах бывшей свекрови, побежала на автобус...

После кладбища ей захотелось немного пройтись, и девушка вышла на остановку раньше. Морось прошла, одеяло из серых туч в некоторых местах порвалось, и через небольшие голубые разрывы начали пробиваться солнечные лучи. Несколько полегчало на душе. Зашла в магазин за продуктами, но её удивил почти пустой прилавок. Хлеба на лотках также не оказалось.

– Что случилось? Где соль, чай, сахар? – недоумённо спросила она девушку-продавца.

– Да народ как с цепи сорвался. С утра всё скупали. Уже и на складе ничего нет. Хозяин сейчас приедет магазин закрывать.

Агапея решила дойти до ближайшего банкомата, снять наличные деньги и отовариться на небольшом уличном базарчике, что находился рядом с её домом. Аппарат был отключён, и на нём висело бумажное объявление: «Закрыт на техническое обслуживание».

Смирившись с тем, что ей придётся сегодня лечь почти голодной, она неожиданно вслух произнесла:

– Завтра будет день, и завтра будет пища.

Ей приснился папа. Они бегали, догоняя друг друга, на длиннющем ярко-жёлтом пляже вдоль холодного голубого

моря, и белые барашки волн набегали на песок и отступали от него, заглаживая свежие следы, оставленные отцом и дочерью. Агапея в детстве была активным ребёнком, рано научилась ходить и даже бегать, подпрыгивая, как мячик, на каждом шажочке. Бегала и смеялась. Прыгала и заливалась колокольчиковым смехом.

Потом пришла красивая мама, с большой копной чёрных волнистых волос. Папа с дочкой звали её к себе, но она просто сидела на дюне и махала им рукой.

Вдруг Агапея увидела, как на берег со стороны моря быстро надвигается огромная чёрная туча, из которой извергаются молнии, а вокруг гремит гром. Гремит не переставая, всё сильнее и сильнее, всё настойчивее и настойчивее. Один удар, второй, третий. «Боже! Как громко! И почему-то трясётся земля, стены... Да это уже совсем не сон!»

Агапея открыла глаза, встала и выскочила на лоджию. Где-то в северной части города раздавалась канонада, и горизонт был покрыт красными всполохами, не успевавшими затухать и загоравшимися снова... Она бросилась к ноутбуку, включила и, дождавшись полной загрузки, открыла «Яндекс». Время на экране – 04:00 по киевскому зимнему времени. Первое, что сразу бросилось в глаза, сплошь по всей новостной ленте: «Специальная военная операция Российских вооружённых сил по денацификации и демилитаризации Украины объявлена сегодня, 24.02.2022 года, Президентом РФ Владимиром Путиным».

– Ой, мамочки! Война! – вслух произнесла Агапея, прикрыв рот вспотевшей ладонью.

Канонада не утихала, а разрывы снарядов стали только сильнее и чаще. Инстинктивно положив в пакет домашнюю аптечку, набрав воды из-под крана в пустую баклажку, она стала искать среди одежды что-то попроще и одновременно потеплее. Наконец облачившись в «аляску», джинсы и зимние кроссовки, прихватив пакет, Агапея выбежала на улицу, где уже начал собираться народ из других подъездов её девятиэтажки. Кто-то принёс ключи от подвала, и люди дружно поспешили за неким «ключником».

Это не было бомбоубежищем в буквальном смысле слова. Просто подвал без удобств. Хорошо, что сухой, и хорошо, что с парой лампочек. Нашлись предусмотрительные жильцы, взявшие с собой раскладные стульчики. У кого-то в руках оказался термос. Сквозь затхлость Агапея почувствовала запах копчёной колбасы. Она вспомнила, что не ела со вчерашнего полудня, но пока ей оставалось только наблюдать, как толстопузый лысый старичок с пятого этажа аппетитно пытался пережёвывать почти беззубым ртом кусочки сервелата и сыра, разложенные на крошащемся куске хлеба. Он жевал только то, что попадало между одним верхним и двумя нижними оставшимися зубами. Всё остальное благополучно вываливалось изо рта и крошилось прямо на бетонный пол. Агапее стало смешно, и она действительно чуть не прыснула от подкатившего хохота, если бы не внезапный и

очень близкий грохот от разрыва приземлившегося снаряда. Он быстро вернул девушку и сотоварищей по надвигающемуся несчастью в состояние клинча.

Утром в городе началась паника...

* * *

Дыхание войны, сковавшее кошмарным смятением улицы, кварталы, парки и скверы города, одновременно парализовало и ввергло в депрессивное отчаяние абсолютное большинство горожан, которые уже не знали, кого и чего больше бояться. С одной стороны, многие понимали, что разбуженный «русский медведь» достаточно скоро обложит город, с другой – все видели, как активно «азовцы» и регулярные части Вооружённых сил Украины превращали верхние этажи многоэтажек, здания школ и детских садов в укрепления и огневые точки. На крышах домов устанавливались зенитные орудия, миномёты, устраивались снайперские лёжки. Во дворах занимали позиции ракетные системы залпового огня «Град».

Начался тотальный «чёс» всех таксистов как потенциальных пособников ополчения ДНР, хорошо знающих город и способных стать прекрасными корректировщиками для русской артиллерии. По Мариуполю быстро распространились слухи о расстрелах сочувствующих России и Донецкой Республике прямо среди бела дня на улицах города. В част-

ных секторах с более-менее богатыми хозяйствами отдельные подразделения «Азова» развернули беспардонную кампанию по ограблению населения. На улицах, в магазинах и в самих отделениях банков за первые два дня с начала боевых действий не осталось ни одного банкомата. Их просто вырывали тросами тягачей и разбивали на месте кувалдами ради обладания содержимым. Прокатилась волна зачистки ювелирных салонов и дорогих бутиков. Молодым женщинам и девушкам никто не советовал вообще показываться за пределами своих подъездов, калиток или подвалов. Изнасилование прямо в проезжающем военном внедорожнике стало делом обыденным и заурядным.

Вакханалия сатаны приобрела ещё более жуткий и устрашающий облик, когда нацисты приступили к массовому отлову мужчин призывного возраста где попало. Вот тебе форма, автомат, пара магазинов – и вперёд на защиту города.

Не хочешь? На тебе пулю в лоб!

Не можешь? Подышать под снарядами много ума не надо!

Боишься? Смотри пункт первый!

Гражданская администрация с первого дня объявила об эвакуации мирных жителей в сторону материковой Украины, однако тут же стало известно, что нацбатовцы заблокировали все возможные выезды и начали открывать огонь по отъезжающим. Люди возвращались в подвалы и убежища, обречённо понимая, что выжить до конца боёв суждено будет немногим заложникам.

В укрытиях люди стали устраивать быт, заноса какую-то мебель, посуду, одеяла, матрасы и подушки. Устанавливали электроплиты для приготовления пищи, а когда электричества не стало, приступили к устройству простейших печек, где можно развести костерок. Соседи больших многоэтажек, до этого не знавшие никого не только из ближнего подъезда, но и с одной площадки, знакомились в условиях наступившего безумия и краха, сколачивались в группы друзей по несчастью. В одиночку теперь выжить было невозможно, и люди это поняли почти сразу. Беда сближает, и часто такое единение оказывается гораздо теснее и откровеннее, нежели родственные узы.

Дети... Кто не встречался с ситуацией, когда в тесном вагоне поезда начинает капризничать ребёнок, разрывая ночную тишину истеричным плачем? А теперь представьте себе, что таких детей на двадцать квадратных метров убежища сразу пять или десять и все они один за другим не переставая режут и даже кричат. Матери прижимают их к груди, пытаются успокоить и закрыть собой от возможной пули или осколка, а дети в то же время кутают своих плюшевых мишек и наряженных куколок, защищая уже их от неминуемых «ранений» в случае обстрела. У ребятешек, переживших бомбёжки, детство счастливым уже не назовёшь, и взрослеют они быстрее... если посчастливится выжить...

На второй и третий день стали поступать сообщения, что союзные войска России и ДНР вплотную подошли к городу, захватив Павлополь, Мангуш и взяв под полный контроль трассу Донецк – Мариуполь. В народе начали распространяться обнадёживающие слухи о возможном открытии зелёных коридоров в сторону Новоазовска и Донецка, однако освидрепевшие «азовцы» только усилили террор населения, подозрительно высматривая уже чуть ли не в каждом гражданском потенциального сепаратиста, желающего поражения армии Украины.

Агапея четвёртый день кряду возвращалась в квартиру только рано утром, когда затихала артиллерийская канонада. Понемногу втянувшись в этот необычный режим жизни, девушка нашла и своё место в разрастающемся хаосе. Пригодились навыки медицинской сестры, которые она приобрела ещё в студенческие годы на курсах по гражданской обороне. Организовала в обустроенном жильцами убежище своеобразный медицинский пункт, собрав со всего дома различные лекарства, перевязочные материалы, жгуты и даже пару кислородных подушек. Витрины и двери соседней аптеки были заставлены фанерой и заколочены досками уже на второй день боёв. Правда, уже на третий ни фанеры, ни дверей не было и в помине, как и всего возможного содержимого

этих некогда аптек.

Разобрав кладовку с вещами, она смогла отобрать много одежды из бабушкиного зимнего и демисезонного гардероба, снеся это потом в подвал для нуждающихся. Сосед дядя Витя с супругой, чувствуя некоторую вину перед девушкой и стараясь загладить её, стали добрыми помощниками Агапеи во всех её начинаниях. Они даже вызвались отвечать за импровизированную кухню прямо у входа в подъезд, где была сложена печка-мангал и устроен шиферный навес для хранения дров и нескольких вёдер антрацита.

Сообщество жильцов, объединившихся вокруг Агапеи в обустроенном убежище-подвале, можно было смело назвать коммуной бабушек и тётенек, молодых мамаш с детишками, где вся мужская половина была представлена дядей Витей и парочкой старичков, видевших в малолетстве, наверное, самого батыку Махно. Здоровое мужское население дома если не сидело в тюрьме, то находилось в армии или в бегах от мобилизации. Люди знали и о женщине с больной матерью на руках, муж которой ещё с четырнадцатого года воевал на стороне ополчения. Об этом не говорили вслух, но изредка вскользь выражали доброе сочувствие и надежду, что он вернётся наконец домой живым и с победой...

Второго марта стало известно о взятии Мариуполя в кольцо с закрытием выхода оборонявшихся войск к Азовскому морю. Горожанам хотелось верить, что блокада города заставит «азовцев» сложить оружие и обстрелы закончатся. К

сожалению, иллюзии быстро растворились в страшной реальности, когда город охватила вакханалия расстрелов мирных граждан снайперами с верхних этажей. Старики, женщины, дети, инвалиды в колясках – все они стали мишенями распылявшихся недочеловеков из рода осатаневших неонацистов, слетевшихся, как падальщики-стервятники, со всего мира в Донбасс. Предложенный Россией план вывода гражданского населения в сторону Донецка и Таганрога «азовцами» и командованием ВСУ был отвергнут. Дальнейшее сжатие кольца отныне сопровождалось кровопролитными уличными боями, где русский солдат теперь стал не только штурмовиком, но и спасателем жизней людей, оказавшихся в положении заложников у многотысячной своры шакалов и детоубийц.

Захваты групп мирного населения стали регулярными и проводились с целью шантажа наступающих войск и принуждения ополчения и регулярной армии России к прекращению боевых действий. Однажды, встретив на соседней улице бывшую коллегу, Агапея узнала, что здание её университета заминировано, а в школе неподалёку «азовцы» заперли несколько десятков человек, включая детей, и пытаются выставить ультиматум командованию союзных войск.

Выезды в сторону Новоазовска и Донецка покрывались плотным пулемётным огнём со стороны ВСУ, если там появлялась хоть какая-то гражданская машина. Погибло несколько семей, пытавшихся спастись под крылом российской ар-

мии.

* * *

Пятого марта среди населения была распространена информация о режиме тишины. У людей снова появилась надежда покинуть зону боевых действий, однако и в этот раз нацисты просто воспользовались доброй волей русского командования и под прикрытием живого щита из мирных горожан провели передислокацию и укрепление огневых позиций, затащив во дворы и скверы реактивную и ствольную артиллерию. Особый цинизм проявился в тот же день, когда «азовцы» загнали почти двести человек в многоэтажный жилой дом и подорвали его, похоронив под завалами практически всех несчастных. Сколько там было женщин и детей, в то время сказать никто не мог, но сам факт преступления украинская медиапропаганда, как обычно, попыталась свалить на российскую артиллерию.

На проспекте Победы фашисты погнали впереди себя более сотни мирных горожан, пытаясь прорваться из окружения. Когда народ бросился в разные стороны, нацисты открыли шквальный огонь по убегавшим. Снова погибшие и снова раненые невинные мариупольцы.

Агапея, как и все её соседи, с каждым днём всё лучше понимала, какая на самом деле власть управляла их родным городом последние восемь лет. Девушка в эти дни часто вспо-

минала разговоры с мамой и бабушкой, и ей становилось порой ещё более стыдно за своё недоверие к откровениям Антонины Георгиевны. А ещё она с большим ужасом думала о своём таком скором и необдуманном замужестве за одним из тех, кто был частью стаи шакалов с шевронами «Азов».

Одним вечером, когда в укрытии, по обыкновению, собирались обитатели дома, дядя Витя незаметно подошёл сзади к Агапее и прошептал ей на ушко:

– Агапа, там твой приехал с вооружёнными людьми и тебя выспрашивает.

Девушка напряглась, но постаралась не терять самообладания и так же тихо спросила:

– Чего он хочет? Он сказал тебе что-нибудь?

– Сказал, что хочет с тобой поговорить, и просил тебя не бояться.

Агапея вытерла руки о фартук и, глубоко вдохнув, уверенно вышла из подвала. Камуфлированный бронетранспортёр песочного цвета стоял в углу двора. Михаил нервно курил у открытой дверцы с пассажирской стороны. Увидев бывшую супругу, постарался состряпать улыбку и двинулся навстречу к ней, протягивая руки вперёд.

– Здравствуй, родная. – Он почему-то всё ещё надеялся, что Агапея бросится к нему в объятия, но, поняв, что чаяния его напрасны, опустил руки.

– Что вам надо, пан капитан? – с вызовом спросила девушка. – Пришли и нас минировать? Может быть, вы сепар-

ратистов ищите? Так получай! Вот она я – та самая ополченка! Давай! Делай своё подлое дело! Или, может, для начала трахнешь меня прямо на капоте в компании своих гамадрилов? Помню, как вон тот, с бульдожьей рожей, на свадьбе на меня пялился, слюнями исходил... Чего тебе надо?

Она говорила нарочито громко, чтобы её было слышно позади, где с тревогой наблюдали за происходящим вышедшие из укрытия люди.

Михаил сильно растерялся, но тут же попросил говорить тише. В машине сидели его бойцы, которые могли неправильно оценить ситуацию и просто сорваться.

– Ладно, я понял всё. Но прошу тебя о помощи, – начал он говорить, склонив голову к её уху, но нервно косясь по сторонам. – В машине моя мама. Она тебе ничего плохого не сделала и по-прежнему любит и тоскует по тебе.

– Чем же я, дочь советского и российского офицера, могу быть полезна семье бандеровца и неонациста?

– Не семье, а только маме. Мне необходимо её куда-то спрятать. Наш дом для неё опасен, и мы с батей сами там редкие гости. Когда придут россияне, а они обязательно придут, они будут нас искать, а мама здесь ни при чём. Ты же знаешь, что это так. Помоги и приюти её у себя.

– Ты уверен, что это уместная шутка? Если народ узнает, кто она, то, боюсь, мне придётся уже самой её защищать. Вы уже столько натворили вокруг, что горожане вас будут рвать на части, когда придут наши.

Слова «наши» она произнесла с неподдельной гордостью в голосе. Это несколько смутило Михаила, но он продолжил:

– Ты можешь её защитить. Я знаю и потому привёз её к тебе. Тем более что она сама просила об этом.

Агапея, несмотря на пережитое и увиденное, смогла сохранить в себе доброту и умение сочувствовать. В конце концов, несчастная больная женщина всегда была с ней ласкова, а жизнь её превратили в крошечный ад её же близкие люди, которые сами, словно крысы на тонущем корабле, сейчас ищут спасения, бегая из угла в угол по всему мегаполису. Она мгновение подумала и ответила:

– Я возьму Оксану Владимировну в нашу коммуну, но ты больше здесь не должен появляться, пока не найдёшь возможность вывезти её из Мариуполя. Есть одно моё требование.

– Слушаю.

– Вы оставите здесь продукты и воду. – Помолчала и добавила: – Дай мне оружие с патронами. Лучше автомат.

– Я подумал об этом, и вам сейчас сгрузят коробки с едой. И возьми мой «калаш». – Он снял с плеч короткоствольный АКС и вынул из разгрузки два магазина с патронами.

Вернувшись к машине, Михаил открыл дверцу и помог матери спуститься на землю. Двое военных занесли четыре коробки со снедью в подвал, но так и не дождались благодарности от обитателей убежища, которые молчаливым укором сопровождали бойцов, пока те не вышли из укрытия.

– Я хотел спросить про ребёнка, – начал было говорить Михаил, как тут же был прерван Агапеей:

– Про это забудь. Он твоим ребёнком не будет никогда. И не спрашивай меня про любовь. Ты сам всё перечеркнул, и на

этом закончим.

– Можно я тебя поцелую на прощание? – Он потянулся к ней.

– Нет! – снова громко и с вызовом ответила Агапея и, развернувшись, ушла прочь.

Только когда машина исчезла за углом дома, девушка подошла к свекрови и крепко обняла рыдающую женщину. Слезы тут же брызнули из голубых глаз бывшей невестки.

Разум, возненавидевший любимого человека, ещё долго разрывает душу, не умеющую рационально мыслить.

* * *

Умение прощать и искренне сострадать чужому горю свойственны исключительно сильным людям. Сила эта проявляется в жертвенности, которой человек слабый, с мелкой душой обладать не может. Здесь, если хотите, беззаветный альтруизм предстаёт как некое донорство, когда волевой личности есть чем поделиться с нуждающимся. И он делится. Делится теплом своего сердца, способного действительно согреть в беде, приняв на себя ту долю тревоги и тоски, ка-

кая очень быстро душит и губит людей, потерявших равновесие и находящихся в трагической, безысходной ситуации. Особо одарённые и наиболее сильные люди отдают своё тепло и дарят поддержку, даже когда сами находятся в нелучшей ситуации.

Война, разруха, крах надежд, смертельная опасность и ежедневные артиллерийские дуэли с летающими и свистящими над головой и около снарядами – тяжёлое испытание для всех. Не каждый в мирное время крепкий мужчина способен оставаться стальным стержнем в пучине лихолетья, а что уж говорить о хрупкой молодой женщине, какой была Агапея. Но она оказалась именно такой, объединив вокруг себя растерявшихся, испуганных стариков и мамаш с детьми. Теперь к ней под защиту привезли и мать её бывшего мужа, который для неё и её подопечных отныне и во веки веков останется ненавистным врагом.

Но виновата ли в античеловеческих преступлениях мужа женщина, которая когда-то посвятила себя не отъявленному нацисту, а простому аграрию, бороздившему поля, сеявшему хлеб и собиравшему урожай озимых и яровых? В чём состоят прегрешения матери и есть ли в ней тот корень зла, который со временем превратил её крохотное дитя в палача, карателя с нацистскими взглядами и философией изуверов?

Простая сельская баба, долгие годы ожидавшая своего счастья и рождения ребёнка, просто жила такой же простой жизнью, радуясь растущей силе, недюжинному уму и при-

родной красоте сына. Когда и как её родные люди повелись на сатанинскую пропаганду и напитались ненавистью к людям, смеющим думать иначе и сопротивляться грубой античеловечной силе? Она уже не задавала себе этот вопрос. У неё не было мочи даже сформулировать его правильно. В таком положении люди часто приходят к суициду или просто живут с парализованной волей в смиренном ожидании конца. Вот такую Оксану Владимировну приняла с рук бывшего мужа Агапея. Теперь этот крест был на ней.

«Ничего. Я справлюсь. Пусть это будет моим испытанием за предательство, совершённое мной по отношению к своей бабушке. К своей маме...» – думала она, когда сидела у края кровати, с ложечки кормя ослабевшую женщину бульоном.

– Мама, вы поспите сейчас. Не ровён час, начнётся обстрел. Там только молиться останется и не до сна будет, – тихо сказала Агапея и погладила старушку по руке.

– Доченька, возьми там, в сумке, маленькую иконку Николая Угодника. Это всё, что осталось от матери моей. Умру – пусть тебе будет памятью обо мне. А за Мишку я тебя не буду ни о чём просить. Сама решишь. Всё детство с отца пример брал во всём, вот и втащил его этот ирод в непотребное дело. Ох, горе мне...

Агапея заметила, что свекровь нарочито говорит по-русски, и приняла это как должное. Очень уж не хотелось ей слышать здесь и сейчас украинскую мову, как не хотелось её слышать практически всем обывателям «ковчега» под девя-

тью этажами панельного обезлюдевшего дома.

* * *

Восьмое марта – Международный женский день. Выглянуло солнышко. Женщины с утра поздравляли друг друга, а дядя Витя даже раздобыл где-то две бутылки самогона. Российские пушки молчали с вечера. Автоматная стрельба была слышна уже не только в Кальмиусском районе северной части города, но и в Приморском районе, что на юге города, где, по слухам, высадилась морская пехота россиян. Кто-то из старичков, постоянно слушавший эфир на транзисторе, поймал радио ДНР, по которому в десять часов утра прозвучало обращение к обороняющейся стороне: «Мариуполь блокирован со всех сторон. Вы находитесь в полном окружении. Подразделения Вооружённых сил РФ и ДНР вышли к административным границам Донецкой области. Ваше командование сбежало, резервы разбиты, помощи не будет. При дальнейшем сопротивлении вы обречены на смерть. Ваш единственный шанс выжить – это сложить оружие и уйти из Мариуполя по гуманитарному коридору».

Снова надежда на скорое избавление от мук. Еды пока хватает. С водой посложнее. Режим экономии под контролем «завхоза» дяди Вити. Агапея в тот день решила на небольшую прогулку по окрестностям, надеясь хоть где-то найти какой-нибудь источник или просто брошенные баклажки с

водой. Человек верит в случайности в такой ситуации, как в божественное провидение в пустыне. Пройдя два квартала в сторону университета, решила дальше не рисковать. Выстрелы были слышны близко, и она поняла почему... В стороне, где некогда стояли длинные высоты, были руины и насквозь просматривался город на три-четыре квартала вперёд. Там, очевидно, и шли бои.

Возвращаясь, услышала характерный свист пролетающей мины. Залегла в кустах. Полежала минут пять. Встала – и снова свист. Опять залегла. Страх сковывал ноги, но не голову. Надо быстрее уйти из этой зоны и добежать до ближайшего дома с открытым подвалом. Посчитала до шести после услышанного выхода мины, которая грохнулась за домом прямо на проспекте. Вскочила и побежала что есть силы. Через мгновение раздался взрыв, девушку тут же подбросило и жёстко ударило оземь, встряхнув все внутренности. Какое-то время она пролежала без сознания. Очнулась, когда уже начало вечереть. Оглушённая, преодолевая боль в бёдрах, балансирующей походкой от всеобъемлющего головокружения Агапея постаралась как-то уйти в сторону своего дома, до которого оставалось метров сто. Обстрел завершился, и она смогла наконец буквально приковылять в своим, опираясь на какую-то лыжную палку, подобранную по дороге.

Долго переводила дух, сидя на краешке топчана, где мирно спали две девочки лет по десять. Взрывы не могли быть не

слышны в подвале, но дети всё-таки спали. Они просто привыкли к войне, а их маленький организм научился саморегулироваться и выбирать самостоятельно время сна и бодрствования, какая бы канонада ни пыталась нарушить ход их физиологических часов.

– Ты куда-то ранена? – спросила мама девочек, когда Агапея встала с топчана.

Агапея обернулась на то место, где только что сидела, и увидела там мазки крови. Потом её резко скрутило внизу живота, и девушка со стоном присела на корточки... Вокруг всё закружилось, она в очередной раз за день потеряла сознание.

Малая проза

Татьяна Велес

Баба Маня

1

– Кыся, кыся, кыся. – Маленькая, высохшая, сгорбленная от старости бабулька, опираясь одной рукой на палку, а в другой держа пакетик «Вискаса», звала кошек.

Кошки не заставили себя ждать. Было впечатление, будто они сидели в засаде и ожидали определённого сигнала старушки. Со всех сторон, мяукая, бежали белые, чёрные, пятнистые, рыжие и другие хвостатые. Они дружно накинулись на принесённое лакомство, а съев всё подчистую, принялись тереться о ноги бабули. Старушка улыбалась и дрожащей рукой гладила своих любимцев.

– Опять вы котов своих кормите? – громкий раздражённый женский голос заставил старушку вздрогнуть от неожиданности.

Рослая упитанная женщина бальзаковского возраста, уперев руки в бока, стояла у подъезда. Её внушительных размеров грудь возвышалась над старушкой как козырёк. Бабуля выпрямилась и с осторожностью выглянула из-под «козырька».

– Баба Маня, ну сколько с вами можно бороться? Мы только их из вашей квартиры выселили, так вы опять? Новых завели? Вам заняться нечем, так вы решили нам жизнь испортить? – Упитанная женщина нахмурила брови.

– О! Анна Ивановна, приветствую вас. – Подошедший мужчина того же возраста почтительно поклонился бальзаковской женщине.

На нём были чистенький костюмчик серого цвета и начищенные до блеска старенькие туфли.

– Воюете? – Он махнул головой в сторону старушки.

– Да вот опять за своё взялась, – не меняя стойку, вздыхала женщина. – Как с ней бороться, ума не приложу.

– А родственники не отвечают? – поинтересовался мужчина.

– Да кому она нужна? – Анна Ивановна махнула рукой.

Старушка, опустив голову и сжавшись, маленькими шажочками зашла в подъезд.

– Получила я ответ, – дождавшись, когда за старушкой закроется дверь, ответила женщина. – Внук за границей, сказал, что бабка ему не нужна. Просила я в стардом её забрать, вроде пообещали.

– Ну слава богу. – Мужчина кокетливо взял руку Анны Ивановны и поцеловал. – Вы наша спасительница. – И, прищурив глаз, спросил: – А квартирка-то кому перейдёт?

– В таком случае – государству, – разведя руками, с досадой ответила женщина.

Дальнейший разговор Михаил не услышал. Позвонил Сергей Владимирович, и Михаил выехал из своего укрытия. В автомобиль, хлопнув дверью, сел шеф со своим сыном, и машина плавно двинулась в сторону школы. Мальчишка, как всегда, громко что-то рассказывал, ёрзая на заднем сиденье, не обращая внимания на замечания отца, открывал и закрывал окно, а то и просто мотылял ногами, стуча по сиденьям. Дорога до школы занимала двадцать минут, но порой Михаилу казалось, что проходила целая вечность.

Звонки шефа среди ночи из ресторанов, бань, игорных домов, школа, офис, срочные командировки, поездки по магазинам, фитнесам и другим местам по запросам любимой жены начальника – Михаил буквально жил в машине. Но работа ему нравилась. В снятой маленькой квартирке парня никто не ждал, да и платит шеф очень хорошо.

В Москву Михаил переехал два года назад из небольшой деревни, где осталась мама. Поехал на заработки. Вначале устроился на рынок грузчиком, потом – слесарем в автомастерскую, там и приглядел его Сергей Владимирович и предложил работу водителем. Золотые руки молодого парня, ответственность, молчаливость, чистоплотность – вот за эти

качества и ценил его шеф. Вдобавок ко всему Михаил был хорош собой, воспитан и пунктуален. Уже через месяц работы он смог снять неплохую однокомнатную квартиру в Москве, недалеко от жилья своего шефа, но Сергей Владимирович пару месяцев назад переехал в загородный особняк, где по соседству стоял старый многоквартирный дом.

Приближалась пятница. Как всегда, шеф в пятницу ходил в баню с высокопоставленными друзьями, а значит, спать в эту ночь Михаилу не придётся. Парень вспомнил, сколько времени потребовалось, чтобы развезти подвыпивших мужчин после очередной банной пятницы, но делать нечего: работа есть работа.

«Сегодня они припозднились», – думал он, посматривая на часы. Было уже начало третьего ночи.

Михаил откинул сиденье и, закрыв глаза, пытался уснуть.
– Карету нам! – На пороге бани показались долгожданные пассажиры.

Поддерживая друг друга, довольные, они усаживались в машину, хлопая парня по плечу, шутя предлагали Михаилу приличные деньги и дали добро развезти их тела по домам. Михаил молча доставил всех по адресам, но по причине болтливости подвыпивших пассажиров до своей квартиры парень добрался только рано утром. Всё, о чём говорили в салоне авто, там и оставалось.

Ранним утром следующего дня раздался телефонный звонок.

– Мишенька, ты мне очень-очень нужен. – Кокетливый тон молодой жены Сергея Владимировича не обещал ничего хорошего, а парень так хотел сегодня выспаться.

– Во сколько мне машину подать? – Михаил закрыл глаза и повалился на подушку.

– В десять, – бойко ответила Аннушка.

– Принято.

Михаил посмотрел на часы. Семь утра.

«Предусмотрительная. Позвонила пораньше, чтобы я успел прибраться в автомобиле, – подумал он. – Боже, как я хочу спать». Но желания работодателей не обсуждаются, и Михаил пошёл в душ.

Ровно в десять начищенная до блеска машина стояла возле дома шефа. Из дома вышел Сергей Владимирович со своей супругой. Вид у него был не очень. Он вяло улыбался Аннушке, которая беззаботно болтала, и, держа пластиковую бутылочку с водой, то и дело прикладывал её к голове.

– Сергей Владимирович, дорогой вы наш, здравствуйте! – Громко крича, к шефу подбежала та самая женщина бальзаковского возраста из старого дома напротив.

– Добрый день, Анна Ивановна, – кивнув головой, ответил

Сергей Владимирович.

– Здравствуйте! Вы не представляете себе, как я рада вас видеть! Такое счастье видеть вас бодрым! А как мы вам благодарны за ремонт подъездов. Да нам вообще крупно повезло, что такой человек, как вы, построил свой дом рядом с нашей развальнохой.

– Вы что-то хотели спросить?

– Анна Дмитриевна, вы так хорошо выглядите! – Как бы не услышав вопроса, бальзаковская женщина повернулась к жене шефа.

В эту минуту открылась калитка, и к машине подбежал сын шефа, за которым едва поспевала нянечка.

– Я с вами! – кричал мальчишка.

Сергей Владимирович остановил сынишку, передал няне и, решив побыстрее избавиться от назойливой соседки, сказал:

– Аннушка, садись в машину!

Тут же за ручку дверки одновременно взялись две женщины, Аннушка и Анна Ивановна. Аннушка, ничего не понимая, быстро захлопала длиннющими ресницами, а Анна Ивановна, убрав руку, нервно захихикала.

– Ой, простите, пожалуйста. Я думала, это вы мне говорите, – густо покраснев, оправдывалась она.

– Садитесь, мы вас подбросим. Куда вам нужно? – Шеф удобно расположился на переднем сиденье.

Краска моментально сошла с лица бальзаковской женщи-

ны, и она с довольной улыбкой плюхнулась на заднее сиденье. Всю дорогу Аннушка молчала, чего не скажешь об Анне Ивановне. Сначала она рассказывала о том, как трудно ей приходится в роли председателя, долго и нудно перечисляя всех нерадивых жильцов, несогласных с её правлением, потом она перечисляла свои заслуги, и наконец разговор перешёл в обсуждение самого сложного жильца дома, бабы Мани.

– Нет, вы представляете себе, – Анна Ивановна всем телом протиснулась между передними сиденьями автомобиля, – эта старуха опять кормит котов! И откуда она берёт этих, – женщина запнулась, – этих хвостатых? А сколько денег нужно для покупки корма? А она покупает! А какой запах от неё... жуть! – Женщина дёрнула плечами. – Нет, мы все решительно против проживания этой особы в нашем доме! Я даже написала письмо в дом престарелых. – Анна Ивановна, довольная, выпрямилась. – Теперь жду ответа. А вы как думаете? – Обращаясь к Сергею Владимировичу, она опять наклонилась между сиденьями. – Квартиру можно будет себе забрать?

Сергея Владимировича меньше всего интересовали проблемы бальзаковской женщины, и на её вопрос он растерянно пожал плечами.

– Вот! – подхватила Анна Ивановна. – Мне все так отвечают. А квартирка-то у неё трёхкомнатная! Ей одной три комнаты! Вот где справедливость?

Женщина наконец замолчала и, хмурясь, откинулась на сиденье.

3

«Спать! Спать! Спать!» – в голове Михаила после марафона по магазинам была единственная мысль. С разрешения шефа молодой человек отключил телефон и залез под одеяло.

«Господи! Какое блаженство! – думал он, проваливаясь в сон. – В уютной квартирке, без кошек, старушек и противной Анны Ивановны. Хотя старушку искренне жаль. Она, наверно, одинокая и потому никому не нужна. Хотя председательница говорила, что внук, живущий за границей, отказался от неё. И что это я об этом думаю? Сдалась мне эта старушка. Спать нужно». Так, погружённый в свои мысли, Михаил уснул.

Когда он открыл глаза, часы, висевшие на стене, показывали восемь вечера. За окном ярко горели фонари и доносилась музыка. В Москве началась ночная жизнь. Понимая, что он уже выспался, Михаил включил телефон, выпил чашечку кофе, надел джинсы и новую тенниску и вышел на улицу. Повсюду были люди. Молодые парочки обнимались, не боясь привлечь к себе внимание. Другие прогуливались, взявшись за руки. Кто-то сидел в кафешках и пил ароматный кофе, а кто-то – просто за столиком, уткнувшись в ноутбук.

Михаил, прогулявшись по ярко освещённым улицам, заглянул в уютный ресторанчик. За стойкой бара стояла молодая красивая брюнетка. Широко улыбаясь и сверкая глазами, хлопала длинными ресницами.

«Наклеила», – отметил про себя Михаил, а вслух произнёс:

– Двойной эспрессо, пожалуйста.

Он, удобно расположившись за столиком возле окна, листал телефон, когда к нему с заказом подошла длинноногая блондинка и, учтиво склонившись, поставила чашечку. Аромат кофе смешался с запахом её духов. Михаил невольно взглянул на девушку. Милое личико, аккуратненький вздёрнутый носик и большие голубые глаза. Белые локоны, небрежно собранные «крабом», лежали на спине. Голубое шелковое платье нежно обнимало фигурку, выгодно подчёркивая её прелести. На груди девушки был пристёгнут бейджик с именем Алёна.

– Спасибо. – Молодой человек взял чашечку.

Блондинка улыбнулась в ответ и, виляя округлыми бёдрами, медленно поплыла в сторону. «Красивая», – отметил Михаил и снова уткнулся в телефон.

«Боже мой, я же забыл позвонить маме», – подумал он, обнаружив несколько непринятых вызовов. Но часы показывали половину десятого, и перезванивать было уже поздно.

«Нужно домой съездить. Мама живёт совсем одна, и я её уже полгода не видел, – продолжил размышлять он. – Шеф

уезжает в отпуск со всей семьёй и обещал дать неделю отпуска. Обязательно нужно съездить, а то будет как та бабуля, один на один со своими кошками. Она у меня ещё молодая, а вот старушка на ладан дышит. – Михаил вспомнил бабу Маню. – Жалко её».

Ход его мыслей прервал нежный голос блондинки:

– Как вам наш кофе?

– Спасибо. Очень вкусно.

– Ещё кофе или, может, есть другие планы? – Блондинка, не стесняясь, кокетничала с молодым человеком.

– А вы что-то можете мне предложить? – вопросом на вопрос ответил Михаил.

– Я Алёна. И через десять минут у меня заканчивается смена, – ничуть не смутившись, ответила блондинка.

Приятная встреча и прогулка по ночной Москве плавно перетекли в воскресный выходной и закончились в понедельник рано утром в квартире Михаила. Он уехал в семь, когда Алёна ещё спала в его постели. Оставив записку с просьбой захлопнуть дверь, когда она будет уходить, он удалился. У ворот шефа Михаил стоял ровно в восемь.

4

День прошёл ровно. Сергей Владимирович, рано освободившись, решил отпустить водителя, если, конечно, тот не нужен Анечке. Но Анечка, довольная воскресными похода-

ми по магазинам, пожелала сегодня остаться дома с мужем, поэтому Михаил уже в три часа дня был свободен. Высадив шефа, молодой человек намеревался ехать домой, но заметил старушку с «Вискасом», которая, опираясь на палку, старалась открыть пачку, но слабые пальцы не слушались, и корм упал на землю. Наклоняясь за пачечкой корма, старушка не удержалась и упала сама.

Михаил тут же выскочил из машины и поспешил к бабе Мане.

– Баба Маня, вы не сильно ушиблись? – Молодой человек помог старушке подняться, открыл корм и насыпал голодным котам, которые уже примчались на зов своей «доброй феи».

– Мы знакомы? – Бабуля внимательно вглядывалась в лицо парня.

– Официально нет, – начал Михаил, – но меня зовут Михаил. Я водитель Сергея Владимировича.

– Сергея Владимировича, – повторила старушка, – знаю, знаю. Хороший человек. И жена у него, Анечка, такая милая и добрая девочка. Она меня как-то конфетами угостила вкусными. – Вспоминая вкус конфет, бабуля закрыла глаза. – А ты, значит, водитель. Спасибо тебе, сердце у тебя доброе. – Баба Маня погладила Михаила по руке. – Пойдём, внучок, я тебя чаем угошу.

Но Михаил, вспомнив рассказ Анны Ивановны о вонючей квартире бабули и сославшись на отсутствие времени,

поспешил домой.

Открыв двери своей однушки, молодой человек был крайне удивлён, обнаружив в ней Алёну, которая беззаботно смотрела телевизор, сидя в его рубашке, надетой на обнажённое тело.

– Привет! – Алёна подскочила и чмокнула Михаила.

– Ты не ушла? – Михаил поднял от удивления брови.

– Я решила сделать тебе сюрприз. – Девушка кокетливо поправила рубашку, обнажив плечико.

– Сегодня твой сюрприз удался. – Михаил вяло улыбнулся. – Но вечером я отвезу тебя домой.

Алёна надула губки:

– Я думала, мы будем жить вместе.

Михаил задумался. Нет, ему, конечно, понравилась Алёна и всё такое, но он не предполагал жить с ней. Точнее, он совсем не предполагал с кем-то жить. Сначала нужно встать на ноги, а потом всё остальное.

– Есть хочешь? – Михаил вспомнил, что ничего с утра не ел.

– Да! Через десять минут я буду готова. – Алёна побежала одеваться.

– А-а-а. – Довольный Михаил, обнимая Алёну одной рукой, растянулся на кровати.

«Как удивительно быстро пролетело время», – думал он. И он опять забыл позвонить маме.

Время, проведённое с Алёной, действительно пролетело

быстро. Они пообедали в ресторане, потом долго гуляли по огромному торговому центру, ожидая начала трансляции художественной киноленты, потом посидели в кафе за чашечкой чая и поздним вечером вернулись в квартиру Михаила. Алёна болтала без умолку, рассказывая о своих планах на дальнейшую жизнь, перечисляя страны, в которых она хотела бы пожить. Из её рассказа было ясно, что девушка, зная о своей красоте, ищет себе подходящую партию, и щедрый и красивый парень ей вполне подходил. Слушая болтовню Алёны, Михаил сравнивал её с Анечкой. Красивая и статная Алёна была абсолютной пустышкой, когда Анечка, также не обделённая красотой, была начитанной и умной молодой женщиной. Сергею Владимировичу очень повезло с молодой женой. Но Михаил рассматривал Алёну только как хорошее времяпровождение, как тёлку, которую не стыдно показать товарищам, и всё. И теперь, после отлично проведённого времени, откинувшись на подушку, он думал о том, как изменится его жизнь.

– Завтра, когда будешь уходить, просто захлопни дверь. – Он нежно поцеловал девушку.

– А ключи мне не дашь? Ведь нам так хорошо вместе.

– Мне предстоит командировка на несколько дней, – тут же придумал Михаил. – Приеду – сразу позвоню.

Алёне такое объяснение показалось достаточно объективным, и она, хоть и нехотя, кивнула в знак согласия.

Поддерживая байку о командировке, следующие дни Михаил, ссылаясь на загруженность, всего пару раз звонил Алёне. Девушка в трубочку щебетала о своей вспыхнувшей любви к молодому человеку, о том, как она его ждёт и мечтает о совместной жизни. У него было достаточно времени всё обдумать, взвешивая все «за» и «против», и признаться самому себе в том, что он скучает по Алёне. Сидя в машине в ожидании шефа, молодой человек взял телефон, чтобы позвонить девушке.

– Кыся, кыся, кыся, – услышал Михаил знакомый голос старушки.

– Здравствуйте, баба Маня! – Забыв об Алёне, молодой человек вылез из машины.

– Здравствуй, Мишенька. – Бабуля улыбалась.

– Кормите? – Парень посмотрел на семейство кошачьих.

– Так больше некому, – ответила старушка. – Вот умру я – и некому будет моих питомцев кормить.

– А что, все ваши? – поинтересовался Михаил.

– Да нет. Моя только одна. – Старушка нагнулась и подняла трущуюся о её ногу чёрную кошечку. – Вот моя Манюся. Она у меня в квартире живёт. Хотела всех остальных на зиму к себе забрать, но Анна Ивановна против была. – И, подумав, добавила: – Хорошая она женщина. Жалко её.

– Почему жалко?

– Одинокая она. У неё даже кошки нет. А у меня вон сколько. – Старушка засмеялась. – Странная я, да?

– Да нет, – растерянно ответил Михаил.

– Странная, – ответила сама себе бабуля. – Вы молодые, у вас всё впереди. А я уже своё прожила и уже никому не нужна. – Она ласково посмотрела на кошек. – Вот только они меня и ждут. У тебя, внучок, родители есть?

– Да. Мама.

– Звони ей почаще. Она у тебя хорошая, раз такого сына воспитала.

Михаил и баба Маня не заметили, как к ним подошёл Сергей Владимирович.

– Доброго здоровьечка, Мария Васильевна! – шеф почти-тельно поздоровался со старушкой.

– И вам не хворать, батенька, – кланяясь, ответила баба Маня.

– Как вы поживаете?

– Да слава Богу. – Баба Маня перекрестилась.

– Вот, возьмите для ваших питомцев. – Сергей Владимирович протянул старушке две пятитысячные купюры.

– Да что вы, батенька! – Старушка замахала руками. – Нам хватает.

– Берите, берите. Вон сколько у вас голодных ртов. – Шеф вложил в руку старушки купюры. – Миш, поехали.

– А что, баба Маня совсем одна? – неожиданно нарушив

тишину в машине, спросил Михаил.

– Одна. В стране одна, – ответил шеф. – В Америку дочка с сыном уехали и остались. Уже пятнадцать лет не приезжают. Ждут, когда мать помрёт.

– Так и сказали? – удивился Михаил.

– Почти. – Сергей Владимирович вздохнул. – Я когда дочери в Америку позвонил, она так и сказала: «Дайте знать, пожалуйста, когда помрёт».

Мужчина замолчал, вспоминая разговор с дочерью Марии Васильевны.

– Мы через неделю на моря уезжаем, в субботу Анечка тебе зарплату даст, ты к матери поезжай.

– Так вы же недавно мне зарплату давали, – уточнил Михаил.

– А это мы не тебе, а матери твоей. А хочешь, с мамой с нами поедете? Была она у тебя на море когда-нибудь?

Парень пожал плечами:

– Может, по молодости с отцом ездили. Я не знаю. На моей памяти мама всегда работала, да и хозяйство у неё всегда было.

– Сын называется. – Шеф укоризненно посмотрел на парня. – Выпороть бы тебя.

Михаил съёжился. Нет, не от страха перед угрозой шефа – ему было очень стыдно.

Вернувшись в квартиру, он, не раздеваясь, позвонил маме:

– Мам, привет! Как ты?

– Сыночек мой! – Голос матери задрожал от волнения. – Да что со мной будет? Ты там как? Не голодный? Не болеешь?

– Нет, мам, всё у меня хорошо. Работа ненормированная, поздно домой попадаю, хочу позвонить, а на часах уже десять, а то и позже. Думаю, позвоню, а ты спишь.

– Да что ты, Мишенька. Я и по ночам встаю, в телефон заглядываю, вдруг звонок твой прозевала. Ты звони, когда тебе удобно.

– Мам, я через неделю к тебе приеду. Мне отпуск на неделю дают.

– Ой, радость-то какая! Слава Богу, услышал Он меня. – Женщина заплакала.

– Мам, не плачь. Ну всё же хорошо. – Михаил заулыбался. – А хочешь, на море с тобой поедem?

– На море? Хорошо было бы съездить, но не сейчас. Позже. Ты приезжай. Я жду тебя, родной мой. Очень жду.

– Приеду. Береги себя. – Михаил положил трубку.

На душе стало легко. Молодой человек принял душ и, включив телевизор, удобно расположился на кровати.

6

Неделя подходила к концу. Каждый день Михаил, увидев бабу Маню, спешил поздороваться с ней и узнать о её само-

чувствии. Неожиданно для себя молодой человек привязался к этой старушке, а может, ему было её просто жалко. Он и сам не понимал, что именно его так тянуло к Марии Васильевне.

– А разве к вам не должны приходить соцработники? Прибраться, продукты закупить или давление померить?

– Да ходят, ходят. Одна – хорошая девочка. И укол сделает, и приберётся. А другая – у-у-у какая злющая. – Баба Маня перекрестилась. – Когда её смена, я говорю, что к сестре уезжаю. Не хочу я её.

Мария Васильевна оказалась очень умной и всесторонне развитой женщиной. Оказалось, что она всю жизнь проработала в библиотеке и прочитала уйму книг. А её супруг преподавал в институте высшую математику. И даже имел степень профессора математических наук.

– Мой Николай Тимофеевич, – с любовью говорила баба Маня, поглаживая рукой портрет своего мужа.

Несмотря на почтенный возраст, у старушки была отменная память. Она помнила всех и всё. Легко могла пересказать содержание книги, прочитанной ею лет пятьдесят тому назад. А сколько она знала прибауток! Общение с ней было настолько увлекательным, что Михаил иногда даже отключал звук в телефоне, когда звонила Алёна.

– Баба Маня, а поехали завтра со мной в деревню? Я вас с мамой познакомлю, – предложил молодой человек.

– Мишенька, внучок, да на что тебе бабка старая? – Ста-

рушка рассмеялась.

– Я не шучу. – Парень был серьёзен. – Шеф машину даёт, съездим. У нас в деревне хорошо. А воздух какой чистый. Даже кошку вашу с собой возьмём. Поедете?

– Нет-нет-нет, – быстро проговорила бабуля. – Ну глупости ты говоришь.

Но Михаил был настроен решительно:

– Так, завтра я за вами заеду в шесть утра. Не рано?

– Да нет. Я уже в пять на ногах, – растерянно пробормотала старушка.

– Отлично! Значит, договорились?

– Ох, и чудишь ты.

Михаил рассмеялся:

– Вы не пожалеете. До завтра!

Ровно в шесть утра молодой человек остановился у дома бабы Мани. Старушка стояла у подъезда, на земле лежал пакет с вещичками, а на руках она держала кошку.

– Доброе утро, баба Маня! – весело поздоровался со старушкой молодой человек. – Давайте я вам помогу сесть, а вашу кошку мы посадим в переноску.

И Михаил показал большую переноску, которую специально купил для Манюси. Он усадил старушку на переднее сиденье и пристегнул ремень безопасности.

– Да! Совсем забыл. Я сейчас. – Он вытащил из багажника целый пакет «Вискаса» и отнёс его через дорогу, в дом шефа.

– Ваших котов будет кормить Вероника, кухарка Сергея

Владимировича.

Старушка была растрогана до глубины души и, не скрывая чувств, кончиком платка вытирала слёзы.

— А куда это вы её везёте? — В дверях подъезда появилась бальзаковская женщина. Видимо, она всё увидела из окна своей квартиры и теперь в халате и бигуди, туго накрученных на голове, выскочила на улицу. Она была крайне удивлена происходящим.

— У Марии Васильевны отпуск, — весело ответил Михаил. Машина, мягко покачиваясь, удалялась вдаль, оставляя застывшую от удивления Анну Ивановну далеко позади.

7

Всю дорогу Мария Васильевна ругала себя за необдуман-
ный шаг.

— Вот дура старая, — говорила она, — это надо же — свалиться на голову людям.

— Баба Маня, да успокойтесь вы. Берите пример с вашей любимицы.

Старушка посмотрела на заднее сиденье. Там, в переноске, мирно спала Манюся. Но бабуля не сдавалась и причитала всю дорогу о своей глупости.

Дома всё было готово к приезду сыночка. Мама постаралась на славу. На столе были и блинчики, и пельмешки, и салатики, и котлетки.

Извиняясь за свой визит и низко кланяясь, баба Маня вышла из машины.

– Мария Васильевна! – Мама Михаила обняла старушку. – Какая вы молодец, что приехали! Будьте как дома. Пожалуйста, проходите.

Михаил уже в последний момент сказал матери, что придет с почтенной женщиной, и маму это совершенно не смутило.

– В нашем доме всегда рады хорошему человеку, – только и ответила она.

И теперь мама Валя, не скрывая радости, обхаживала дорогих гостей.

– Мария Васильевна, что положить? Кушайте. А тебе, сыночек? Пельмешки будешь?

Старушка некоторое время сидела, стыдась воспользоваться предложением пообедать, но всё так аппетитно пахло, что она сдалась и уже чрез пять минут расхваливала пельмешки со сметаной:

– Боже, да вкусно-то как!

– Да вы ешьте, ешьте. У вас в городе таких продуктов нет. – Валентина подкладывала в тарелки котлеток.

В дверях дома появился молодой человек:

– Это где же наш москвич?

– Ванька! – Михаил подскочил к гостю, и друзья, смеясь, обнимались и хлопали друг друга по плечу.

– Сто лет тебя не видел! Ты когда приехал? – Михаил не

мог поверить своим глазам. Друг детства, с которым он все десять классов делил одну парту, потом с родителями уехал в Америку и вот спустя пять лет вернулся жить в деревню.

– Да, – Иван утвердительно махнул головой, – там хорошо, но дом тянул назад.

– Да что же вы в дверях? – Валентина поставила ещё одну тарелку. – Да ты сажай гостя за стол.

– Спасибо, тётя Валя, – Иван замялся. – Я не один. Там Настюха стоит.

– Настюха тоже вернулась? – Михаил выскочил во двор.

Настю он узнал не сразу. Это была не та малолетняя девочка с рыжими косичками и несуразно длинными ногами. Перед ним стояла рыжая чаровница с великолепной фигурой, голубыми глазами и маленькими забавными веснушками. Девушка, опустив глаза, нервно теребила толстую длинную косу.

– А веснушки тебя никогда не портили. – Он по-братски обхватил девушку за плечи и буквально втащил в дом.

– Настенька! – Мама Валя обняла девушку. – Ну что ты как неродная?

– Познакомьтесь, это Мария Васильевна. – Михаил представил бабулю вновь прибывшим гостям.

– Это двоюродная сестра моей покойной мамы, – предупредая все вопросы, сказала мама Валя.

– А это Иван, мой лучший друг, и его сестра Настюша, – продолжал Михаил.

День давно закончился, а молодые люди всё сидели за столом и вспоминали детские годы.

Марию Васильевну Валентина отвела в подготовленную комнату и уложила спать на перину.

– Вы знаете, я так рада, что Михаил познакомился с вами, – тихо призналась Валентина бабе Мане. – Он мне чаще стал звонить, всё приветы от вас передаёт, книги стал читать, говорит: Мария Васильевна посоветовала. Спасибо вам большое. – Валентина обняла старушку.

– Да я-то что? Это вы его таким воспитали, это я вам должна спасибо говорить, – вытирая слёзы, отвечала Мария Васильевна.

8

Время пролетело незаметно. Мария Васильевна была очень довольно внезапным отдыхом. Она стала настоящим членом семьи. Валентина, которая рано потеряла мать, с любым вопросом обращалась к Марии Васильевне, а вечерами, внимательно слушая, записывала новые рецепты, которыми с удовольствием делилась старушка.

Михаил вместе с Иваном успели починить крышу в доме и поправить покосившийся штакетник во дворе Ивана. Настюша всё время была рядом. Она помогала Валентине готовить, убирать по хозяйству и вообще была незаменимой помощницей.

– Оставайтесь у меня. – Валентина обнимала старушку. – Вы нам уже родная. Ну что вам дома одной делать? Нам с вами хорошо, и вам – с нами. Оставайтесь. Вон на Манюсю посмотрите, ей тут понравилось.

Манюсе действительно нравилось жить в деревне. Парное молоко, мясо, новые знакомые. А ещё Манюся, мурлыча, частенько засыпала на коленях у Валентины.

– Ну как же я останусь? У меня же квартира в городе, – раздосадованно отвечала старушка.

– Да отдайте её дочери, а сами – ко мне. И мне веселей, и вам. А впереди зима. Будем с вами чай с малиновым вареньем пить и телевизор смотреть.

Старушка задумалась:

– Ладно. В следующий раз, когда Мишенька соберётся, я приеду насовсем.

На том и порешили. Расставаясь, все плакали: и мама Валья, и баба Маня, и Настюша. Труднее всего было отыскать Манюсю. Кошка наотрез отказывалась ехать и залезла далеко под кровать. Пришлось выманивать её вкусной котлеткой. Наконец Манюсю усадили в переноску, в машину загрузили варенье, пироги, которые напекла Настя, домашний творог и бутылочку домашнего вина, подаренную соседом.

– Ну, – Иван крепко обнял друга, – давай, брат, не пропадай. Звони.

Машина покатила по дороге, оставляя за собой облако пыли.

Всю дорогу старушка молчала. Ей казалось, что в той деревне она оставила частичку себя. Столько лет она была одна. Единственная дочь, выскочив замуж за иностранца, забыла мать навсегда. Всю нерастраченную любовь старая женщина отдавала кошкам, и вот теперь она оказалась нужна совершенно посторонним людям.

«Отписать квартиру дочери и переехать в деревню, — вновь и вновь вспоминала она слова Валентины. — Да разве это не чудо?»

Дома бабу Маню встречала бальзаковская женщина, вышедшая в это время, чтобы сходить в магазин. Отметив порозовевшую старушку, Анна Ивановна поздоровалась и поинтересовалась, как прошла неделя.

— Спасибо, Анна Ивановна, всё хорошо. Так хорошо, что вскоре хочу съехать от вас. — Старушка таинственно улыбалась.

— В стардом? — не удержалась женщина.

— Зачем в стардом? У меня теперь семья есть. — Бабуля погладила по руке Михаила.

Михаил помог Марии Васильевне добраться до квартиры, занёс ей варенье, творог, пирог, выпустил из переноски недовольную кошку и, попрощавшись с бабулей, поехал к себе в квартиру.

«А парень-то мастак, — думала бальзаковская женщина. — Бабка скоро помрёт, а новый родственничек в трёхкомнатную квартирку въедет. И кто бы мог подумать?» Выпятив

губу и сморщив при этом второй подбородок, бальзаковская женщина с грустью обдумывала уплывшую возможность приватизировать квартиру. «Кто бы мог подумать? – повторила она вслух. – Может, пожаловаться Сергею Владимировичу? Пусть приструнит своего водителя». Так, рассуждая об упущенной возможности, раздосадованная Анна Ивановна вернулась к себе в квартиру, позабыв сходить в магазин.

9

Началась рабочая неделя. Сергей Владимирович, навёрстывая прошедшие выходные, с головой ушёл в работу. Постоянные встречи, переговоры, поездки за город. Даже Анечка не смела попросить машину для поездки по магазинам, справлялась сама.

Несмотря на загруженность, Михаил не забывал звонить маме и каждый день проводывал бабу Маню.

Вопреки словам бальзаковской женщины, в квартире у бабы Мани было очень уютно. Мария Васильевна старалась сама поддерживать порядок в квартире и часами ползала на коленках, протирая тряпкой полы. Одна из комнат, а их было три, была заставлена стеллажами из книг. Их было так много, что могла позавидовать любая сельская библиотека. Кого там только не было. Толстые тома Пушкина, Толстого, Владимира Ильича Ленина, Достоевского, Карла Маркса, книги

зарубежных писателей на французском, немецком и русском языках. Отдельное внимание привлекали книги в невзрачной рубашке. «Это конец семнадцатого – начало восемнадцатого века», – с гордостью говорила Мария Васильевна. Восхищаясь памятью Марии Васильевны, Михаил брал книгу наугад и просил старушку рассказать содержание. Бабе Мане хватало несколько строк из книги, чтобы она могла вспомнить её содержание.

Старушка всегда искренне радовалась приходу Мишеньки, а кошка Манюся, услышав шаги парня, мяукая, встречала его у двери. Недовольна была только одна Алёна. Сначала она закатила скандал по поводу его поездки к маме, после, узнав, что молодой человек поехал туда с какой-то старушкой, а не с ней, Алёна надула губки и перестала разговаривать и отвечать на звонки, но, немного поразмыслив, она простила Михаила. Спустя неделю Алёна с вещами переехала к нему, объявив себя его невестой. Михаил сдался и по настоянию Алёны позвонил матери, чтобы рассказать о невесте.

«А почему бы и нет? – думал парень, рассматривая спящую девушку. – Такую красивую во всей Москве не сыскать».

Алёна была счастлива. Она старалась угодить Мише, наводила чистоту в квартире, интересовалась его работой, здоровьем мамы и бабы Мани, даже пыталась что-то приготовить, но молодой человек быстро понял, что готовка – это

не её конёк.

Наступила поздняя осень. По ночам всё чаще были заморозки, а днём температура не поднималась выше восьми градусов. С деревьев, плавно кружась на холодном ветру, слетали последние пёстрые листья.

На перемену холодным проливным дождям всё чаще падал снежок.

Баба Маня, кутаясь в пуховый платок, каждый день кормила своих кошек. Она уже подготовилась к переезду в деревню. Вечерами, болтая по телефону с Валентиной, они строили планы на совместное проживание, или вместе разгадывали кроссворд, или просто болтали ни о чём. Со слов бабы Мани, она по совету Валентины составила завещание, где всё своё имущество передавала дочери. Старушка просила Михаила забрать хотя бы книги из её библиотеки, но парень наотрез отказался.

– Это всё должно достаться вашему внуку, – говорил он.

Через некоторое время молодой человек по настоянию Алёны познакомил бабу Маню со своей невестой.

– Красивая, – протянула старушка.

Алёна, дёргая носом и прикрывая его платочком, пыталась улыбаться.

– Рада нашему знакомству, – сказала она, оглядывая квартиру. – И что, вы здесь живёте совсем одна? – неожиданно спросила она.

– Почему одна? С кошкой, – виновато ответила старушка.

Теперь Алёна с Михаилом часто приезжали навестить старушку. Девушка не скупилась на вкусные подарочки, благо Михаил зарабатывал прилично, и баловала старушку деликатесами.

Приближался день переезда.

– Мария Васильевна, – парень заскочил в квартиру бабы Мани, – я уезжаю в командировку дня на три. Приеду – и поедем домой. Мама уже заждалась. А вы тут не скучайте! Алёна будет приходить к вам каждый день. Она обещала.

Алёна действительно клятвенно пообещала навещать старушку и даже подготовила список продуктов для Марии Васильевны. Впрочем, сделала она это для виду. Девушка полностью распоряжалась заработанными деньгами Михаила и уже успела приобрести себе дорогую соболиную шубку. Куда расходились остальные деньги, парень даже не задумывался: он доверял своей невесте полностью.

Мария Васильевна выглядела бодро. Она с улыбкой показала на чемоданы, стоящие в углу комнаты, давая понять, что у неё всё готово к переезду. Паренёк, обняв старушку, побежал к машине, где его уже ждал шеф.

10

Машина припарковалась возле дома шефа. Калитка распахнулась, и навстречу выскочила Анечка. Она кинулась на шею Сергею Владимировичу и, не обращая внимания на Ми-

хаила, принялась расцеловывать мужа.

– Господи, как же вы долго! – лепетала она. – А ещё эти перебои со связью, я думала, что умру без тебя.

Сергей Владимирович и Михаил отсутствовали почти две недели. Командировка затянулась, и им пришлось дожидаться решения вопросов вдали от дома. Связь действительно пропадала. Михаил с большим трудом дозвонился до Алёны только ночью, а вот до мамы и бабы Мани – нет.

– Ну всё! Аннушка, ну что ты, в самом деле? – Шеф засмущался и, улыбаясь, достал из кармана пиджака маленькую коробочку. – Это тебе.

– Спасибо, – ответила Аннушка, принимая коробочку. – Но лучше больше не оставляй нас так надолго.

– Папка! – По запорошенным снежком дорожкам бежал сынишка.

– Да куда же ты раздетый? – Сергей Владимирович подхватил мальчонку на руки и, кутая в свою куртку, поспешил с Аннушкой в дом.

Михаил с улыбкой смотрел на супружескую пару. Несмотря на большую разницу в возрасте, Аннушка была для мужа опорой, женой и надёжным тылом. «У нас с Алёнкой тоже так будет», – думал он, открывая багажник, чтобы достать вещи шефа.

– Брысь! Брысь, оглоеды! А ну пошли вон! Нету вашей бабки!

Михаил оглянулся. Бальзаковская женщина, размахивая

веником, гоняла голодных котов.

«В смысле, нет бабки? – мелькнуло в голове у Михаила. – А где же она?»

– Анна Ивановна, день добрый! – Михаил, оставив вещи бросился к бальзаковской женщине. – Что с бабой Маней?

Анна Ивановна, поздоровавшись, кивнула молодому человеку.

– Не знаю. Два дня её не видно. Думаю, милицию пора вызывать, может, померла...

– Как померла? Алёна вчера к ней ходила, и всё было хорошо.

– Какая Алёна? Кому нужна твоя бабка? К ней никто, кроме тебя, и не ходит.

Михаил забежал в подъезд и дёрнул ручку двери. Дверь была закрыта. В квартире жалобно замыкала Манюся. Он стал колотить кулаком в двери:

– Мария Васильевна, откройте!

– Да чего ты кричишь? – Бальзаковская женщина, кутаясь в пальто, стояла рядом. – Тихо там. Милицию нужно вызывать. – И она набрала номер милиции.

Михаила трясло. Он опустился на корточки возле двери.

Через минуту в подъезде дома стояли сотрудники милиции, скорая, несколько любопытных жильцов дома и Сергей Владимирович. Сотрудники милиции без особого труда открыли входную дверь. Перепуганная большим количеством людей кошка Манюся выскочила из квартиры. Свернувшись

калачиком, на маленьком диванчике лежала баба Маня, возле неё на столике стояли пустой пузырьёк из-под таблеток и стакан с водой.

– Вчера утром померла, – дал своё заключение врач. – Видимо, таблетки кончились. По всем признакам – обширный инфаркт.

«Нет! Нет! Нет! – мелькнуло в голове Михаила. – Вчера ночью разговаривал с Алёной, и она сказала, что ходила к Марии Васильевне и та была бодр».

Молодой человек достал телефон. Руки дрожали. Он набрал Алёну.

– Алё. Привет, дорогой. – Сонный голосок Алёны замурчал в трубочку.

– Ты вчера была у Марии Васильевны? – закричал он в трубку.

– Ты чего кричишь? – Голос девушки стал громче.

– Прости. – Михаил выдохнул. – Скажи, ты вчера была у Марии Васильевны?

После минутной заминки Алёна ответила:

– Нет. Вчера не была.

– А когда ты её видела?

– К чему эти допросы?! – Алёна уже раздражённо кричала в трубку.

– Я просто хочу знать, – твёрдым тоном продолжал Михаил, – когда ты в последний раз была у Марии Васильевны.

– В последний раз – с тобой, – после минутной паузы вы-

палила Алёна. – И вообще, что это за допросы? Ничего с твоей бабушкой не случится, она ещё нас с тобой переживёт.

Михаил закрыл глаза. Казалось, что он потерял не только бабу Маню, которую считал частью своей семьи, но и веру в людей.

– Аллё! Аллё! Ты ещё здесь? – Теперь нежный голосок Алёны казался Михаилу раздражающим.

– Я буду дома вечером. Чтобы ноги твоей там больше не было. – Он отключил телефон.

Домой, в квартиру, он вернулся поздно. Алёны не было. Вытащив из-за пазухи дрожащую Манюсю, Михаил налил ей молока и, не раздеваясь, повалился на кровать. Он так и уснул, прижимая к себе маленький тёплый комочек.

11

Михаил решил уволиться с работы и вернуться в деревню.

– Что, действительно в свою деревню поедешь? – спрашивал шеф. Он очень не хотел терять такого водителя.

– Да, – отвечал Михаил, – к маме поеду. Там тоже жить можно. – И, помолчав, добавил: – Да и народ у нас проще и добрее.

– Жаль. – Сергей Владимирович задумался. – Две недели ещё поработаешь? Вроде там водитель нарисовался.

Михаил согласился.

Родственников бабы Мани долго ждать не пришлось. Уже

через две недели прилетели дочь с внуком.

– Сергей Владимирович! Сергей Владимирович! – Бальзаковская женщина колотила рукой по калитке шефа.

– Анна Ивановна, что у вас стряслось? – Накинув на себя тёплую куртку, Сергей Владимирович открыл калитку.

– У нас катастрофа! – выпалила женщина.

Сергей Владимирович меньше всего хотел в свой выходной решать катастрофические дела Анны Ивановны, но, увидев вместе с ней незнакомых людей, решил выслушать.

– Познакомьтесь. Это дочь и внук Марии Васильевны, – представила она своих спутников.

– Очень приятно, – услужливо ответил шеф. – Чем обязан?

– Вы обязаны наказать своего водителя! – приказным тоном визжала бальзаковская женщина.

Сергей Владимирович удивлённо поднял брови, пытаясь уловить мысль.

– Он обокрал этих почтенных граждан Америки. А это уже политическое дело! – Анна Ивановна подняла указательный палец к небу.

– Давайте пройдем в дом, и вы мне всё подробно объясните. – Сергей Владимирович открыл двери дома, приглашая гостей войти.

– Рассказывайте, – начал шеф, удобно расположившись за круглым столом и предлагая гостям выпить чашечку чая.

– Мы вчера были у нотариуса, – начала дочь Марии Васи-

льевны, – хотели узнать по поводу завещания. Но, как выяснилось...

Договорить ей не дала бальзаковская женщина.

– Выяснилось, что бабка всё отписала этому прохвосту, вашему водителю! – кричала Анна Ивановна. – А я говорила. Не зря он бабку-то обхаживал. Вон какую себе квартирку выцепил.

– Пойдите, – прервал её Сергей Владимирович. – Мне сама Мария Васильевна говорила, что Михаил и слышать не хотел про эту квартиру. Он даже от книг отказался. Михаил рассчитывается и уезжает к себе в деревню.

– Вот продуманный-то какой. Даже вас обвёл вокруг пальца, – не унималась Анна Ивановна.

– Подождите, – нахмутив брови, громко произнёс шеф. – Здесь нужно во всём разобраться.

Он взял телефон и набрал Михаила:

– Миша, привет. Можешь сейчас подъехать?

Парень приехал незамедлительно. Именно за это и уважал его Сергей Владимирович. Никаких вопросов, никаких отговорок. Нужно – значит, нужно.

– Миша! Зайди! – услышав сигнал машины, крикнул в окно шеф.

– Здравствуйте. – Михаил со всеми поздоровался.

– Садись. – Шеф показал на стул.

– Миша, ты знал, что Мария Васильевна указала тебя в своём завещании? – осторожно спросил Сергей Владимиро-

вич.

Михаил ухмыльнулся.

– Мария Васильевна в своём репертуаре. Нет. Я ничего не знаю о завещании. Когда моя мама позвала Марию Васильевну к себе жить, она просила всё отдать дочери. – Ровный и спокойный тон Михаила говорил о правдивости его слов.

Сергей Владимирович откинулся на спинку стула.

– Миша, Мария Васильевна оставила квартиру тебе, и теперь по нашим российским законам, – Сергей Владимирович нарочно повысил голос, упоминая российские законы, – квартира переходит к тебе в собственность.

Михаил поднял глаза на шефа:

– Вы шутите?

– Да какие уж там шутки! – не выдержала бальзаковская женщина, подпрыгивая на стуле.

– Мне ничего не надо. Мы просто привязались к Марии Васильевне. Она стала членом нашей семьи. Она, а не её квартира. Я готов сейчас же поехать к нотариусу и подписать документ об отказе на квартиру.

– Миш, подумай хорошенько. Судить тебя никто не имеет права. – Шеф грозно посмотрел на бальзаковскую женщину, которая ёрзала на стуле. – По закону ты наследник.

– Спасибо, Сергей Владимирович, но мне ничего не нужно.

Не скрывая своей радости, дочь и внук покойной старушки приняли от Михаила расписку об отказе от наследства в

их пользу и поспешили в квартиру.

12

Последние две недели подходили к концу. Михаил уже считал дни, чтобы поскорей уехать домой. После смерти Марии Васильевны на душе скребли кошки, он испытывал одиночество, пустоту, страх за маму. И пусть его дом находится в деревне, где нет больших магазинов, громкой музыки по ночам и кинотеатров, но там живут простые люди с открытой душой и большим сердцем. А это самое главное.

В очередной раз, сидя в машине в ожидании шефа, Михаил обратил внимание на большую кучу книг, запорошённых снежком, лежащих возле мусорного бака. Парень и сам не понял, что его толкнуло посмотреть на эти книги. Подойдя поближе, Михаил узнал несколько изданий из библиотеки Марии Васильевны. Он бросился к машине и, подогнав её к мусорному баку, аккуратно смахивая снег, стал складывать книги в багажник.

– Миш, ты чего здесь стоишь? – Михаил вздрогнул от неожиданности.

Сергей Владимирович внимательно рассматривал книги.

– Это библиотека Марии Васильевны, – чуть слышно произнёс молодой человек и, протянув шефу Артура Конан Дойла, добавил: – Она любила эти книги, а их вот так запросто на помойку.

– Да, – протянул шеф, – книги нынче не в моде. Всё собрал? Тогда поехали.

За окном большими мягкими хлопьями валил снег. Дворники не справлялись со своими обязанностями и громко ругались, браня небесную канцелярию. Михаил посмотрел на чемоданы. Оставались считанные минуты, и должен прийти хозяин квартиры. В дверь позвонили. Это была Алёна. Не поднимая головы, она роняла на шубку слёзы и просила прощения у Михаила. Она что-то говорила о том, как им было хорошо вдвоём, о том, что она его очень любит и сожалеет о случившемся. Михаил стоял молча. За последний месяц он много думал, вспоминая Алёну, и понял, что испытывал к ней только телесное влечение. Ни о какой любви речи не шло. И теперь, когда она стояла перед ним, ему было жаль девушку. Он обнял её за плечи:

– Ты обязательно найдёшь себе любимого человека. Поверь мне, – и неожиданно для себя добавил: – Я нашёл свою любовь, но это не ты.

Алёна судорожно глотала воздух, услышать такое в свой адрес она была не готова. Ситуацию разрядил подоспевший хозяин квартиры:

– Заждались? Извиняюсь. Снега по колено, насилу дошёл.

Когда все вопросы были улажены, Михаил поспешил к шефу. Пригнав машину, парень выгрузил чемоданы, забитые книгами, и ласково погладил машину.

– Спасибо. Ни разу не подвела.

– Миша, заходите. – Калитку открыла Аннушка. – Вас Сергей Владимирович ждёт.

Сергей Владимирович долго жал парню руку, втайне надеясь, что Михаил передумает, но чуда не случилось. Тяжело вздохнув, шеф выдал Михаилу приличную сумму денег и показал в окно:

– Это тебе. Пользуйся.

Михаил выглянул в окно. На заднем дворе дома стоял новенький RAV4.

Михаил замотал головой:

– Я не могу. Это лишнее.

– Вот уж мне эти душевные люди, – вздохнул шеф и по-дружески положил руку Михаилу на плечо. – Это от всех, кого ты по домам развозил. Мужики передали. Понял? Грех отказываться.

– Спасибо. Я вас век не забуду, – растрогался Михаил.

– А мы к тебе в деревню в гости приедем, можно?

Парень закивал головой в знак согласия:

– Конечно, приезжайте! Не пожалеете!

Новенький RAV4 прогрелся и отправился в свою первую поездку. Машина резво неслась, покачиваясь по заснеженной дороге. На переднем сиденье, на Мишиной куртке, дремала Манюся, а в багажнике автомобиля лежала почти вся уцелевшая библиотека бабы Мани. Сергею Владимировичу не составило труда забрать чудом уцелевшие книги у нерадивых родственников. Дома Михаила ждали мама, верный

друг и будущая жена Настюша.

Андрей Колосов

Сегодня

1

Это была паника. Никогда прежде он ничего подобного не испытывал, но почему-то был абсолютно уверен, что это именно она. Ужас от того, что случится, плюс какая-то гнетущая неизбежность. Плюс желание малодушно забиться куда-нибудь подальше. «Боже, за что?» И какая, к чёрту, разница, когда и как он тут очутился? Главное – что теперь он стоит на рельсах и не может пошевелиться, а перед ним поезд, который всё надвигается и секунд через десять не оставит от него даже воспоминания. Ни отпрыгнуть, ни закричать, ни замахать руками, чтобы машинист его заметил, – ничего не удавалось. Он просто стоял и смотрел на слепящие фонари, которые окрашивали белым деревья, растущие вдоль путей.

Ярослав с криком проснулся, а левый бок отозвался на крик острой болью. Затем мужчина судорожно вдохнул, и снова его резануло: очередная порция внезапного пробуждения. Замерев на холодном и шершавом асфальте, он стал

осторожно делать вдохи и выдохи. Чтобы проверить, как глубоко может дышать. Ему совершенно не хотелось опять скрючиться, когда он встанет. Если, конечно, ему удастся встать... Кажется, так. Никаких резких движений. Животные и полицейские их не любят, потому что не знают, к чему они могут привести. Ярослав же знал, но это его отнюдь не утешало. Спокойно, спокойно, спокойно. Ярослав медленно, опираясь на правую руку и стараясь не растягивать раненый бок, принял вертикальное положение. Он сидел на коленях, а воспоминания о вчерашнем (а о вчерашнем ли?) дне постепенно возвращались. Да, хреново получилось: он никак не мог подумать, что в столице, пусть и на глухой улочке, а тем более днём (даже не вечером!), его могут так хорошо обработать (да и вообще в принципе!). Забрали меж тем всё: портфель с документами и кошельком, пиджак, в котором вместе с визитками, пропуском и ручками лежал телефон. А ещё сняли новенькие туфли. Наверное, их жальче всего. Подарок как-никак... Короче, сейчас Ярослав был никем и звали его никак, и даже в каком очнулся городе, он не представлял. Очень-очень аккуратно и едва дыша Ярослав поднялся на ноги и огляделся.

Слева и справа от него выстроились одинаковые девятиэтажные здания с редкими огнями в окошках. Почему-то Ярослав сразу подумал о ёлочных игрушках и гирлянде. Бред, бред, бред! Как вовремя! Он потряс головой и стал обдумывать сложившуюся ситуацию. Его выкинули не прямо

на проезжую часть, а это уже плюс. Судя по всему, приютивший его тротуар располагался в спальном районе какого-то города и было довольно рано: фонари ещё горели, хотя уже светало. Ярослав привычно посмотрел на часы, но их (кто бы сомневался?) на руке не оказалось.

Будь Ярослав несколько здоровее, он, наверное, проверил бы все возможные пути и нашёл интересующий его выход. Теперь же... теперь ему предстояло выбрать, идти ли вперёд от того места, где он поднялся, или назад. Одно из направлений почти наверняка вело вглубь района и, возможно, в тупик, второе – к дороге. Едва ли его мучители слишком сильно заморачивались, чтобы завезти его поглубже, скорее всего, оставили сразу, как появилась возможность. А значит... он был где-то недалеко от шоссе, а если он в городе, на что Ярослав очень надеялся, то найдётся и какая-то инфраструктура и место, где ему помогут. Ярослав вздохнул, но даже это не обошлось без боли в боку. Похоже, у него было сломано ребро или даже несколько. Не смертельно, конечно, но приятного мало. Обычно пациенты прибывали к нему уже как следует пропитанные обезболивающими, но теперь он немного понял, каково им до укола.

Заметив неподалёку дерево, растущее внутри низенькой ограды, Ярослав доковылял до него и прислонился спиной к выпирающему стволу. Куда же идти? Вдруг он увидел мужчину неопределённого возраста в светлом пиджаке на противоположном тротуаре. А направлялся он, должно быть...

Чёрт его знает куда: рано шёл на работу, вернулся только к утру, а может, сегодня вообще воскресенье... Ярослав был без понятия. Их разделяла лишь узенькая односторонняя дорожка.

– Прошу прощения! – Ярослав окликнул мужчину в пиджаке. – Вы не подскажете?..

Но мужчина, ничего не отвечая, ускорил шаг. Ярослав осторожно вздохнул.

«Его можно понять... Наверное, видок у меня ещё тот, – подумал Ярослав и дотронулся до лица. Запёкшаяся кровь на лбу и скулах, кое-где кожа ободрана. – Даже не уверен, хочу ли я зеркало... Но, пожалуй, приму за факт, что выгляжу я скверно». Будучи врачом, он знал, что убирать запёкшуюся кровь в подобных, близких к полевым, условиях ни в коем случае не следует: ведь, с одной стороны, она останавливала кровотечение, а с другой – преграждала дорогу инфекциям, которых повсюду пруд пруди. Поэтому, пока он не доберётся до нормальных лекарств и бинтов или хотя бы до раковины и мыла, приводить себя в менее пугающий вид смысла не имеет.

«Постойте-ка, – сообразил Ярослав, когда мужчина отдалился уже метров на пятьдесят, – он же выбрит! А если так, значит, он идёт куда-то, а не домой! За ним!»

Следуя за мужчиной в пиджаке и стараясь, насколько позволяло состояние, не отставать, Ярослав вышел к шоссе. Оказалось, что широкая четырёхполосная дорога находилась всего в одном повороте от него. В более оживлённое время суток Ярослав, скорее всего, смог бы услышать её. Мужчина же, подозрительно оглядываясь, направился в сторону остановки. А когда дошёл, опустился на деревянную скамейку и стал ждать свой трамвай или на чём он там ездит.

Ярослав хотел пристать к мужчине с расспросами и уже сделал несколько выстраданных шагов, как вдруг его внимание привлёк яркий щит с рекламой агентства помощи попавшим в трудное положение. Под громким слоганом, который обещал разобраться с трудностями и благополучно вернуть домой, светилась интерактивная и слегка замызганная карта с маршрутом до ближайшего офиса. «Да уж, как раз про меня. Смех сквозь слёзы. – Ярослав ещё раз недоверчиво перечитал информацию на щите. – Вообще похоже на какой-то обман и кидалово. Только вот взять-то с меня уже нечего, не понимаю...» Пока он разглядывал щит и размышлял, подъехал автобус с двумя ранними пассажирами и забрал мужчину в пиджаке. Проводив автобус обескураженным взглядом, Ярослав горестно сплюнул и пошёл дальше в надежде встретить хоть кого-нибудь, кто подскажет ему, как добраться до

привычного и удивительно желанного травмпункта.

Пока Ярослав хромал вдоль шоссе, постепенно светало, и мало-помалу улица наполнялась людьми. Такими разными, но имевшими, впрочем, одну общую черту: все они предпочитали держаться от Ярослава подальше, а на его оклики никак не реагировать. Ну хоть кто-то... хоть один. Пожалуй-ста. И нашёлся даже не один, а целая компания, нетвёрдым шагом выбредшая из очередной подворотни, которых на пути Ярослава набралось уже штук пять. Видимо, ребята провели ночь за распитием спиртных напитков, и теперь им не терпелось найти нового собеседника, с кем можно поделиться своими насущными проблемами и обсудить масштабные общечеловеческие вопросы. Когда Ярослав увидел, как один из парней задирает проходящую мимо девушку, ему вдруг пришло в голову, что он не сумел бы ей помочь, даже если бы пьяная братия схватила её и уволокла в свою подворотню, снимая с неё по пути одежду. К счастью, девушка вывернулась из нетрезвого захвата, брызнула обидчику в глаза из баллончика и бросилась бежать по тротуару.

– С...чка ты! – спровоцил её вслед парень, яростно вытирая глаза.

– О-о-о, – пьянчуга в грязной стёганой фуфайке даже и не заметил неудачи своего товарища, зато увидел Ярослава, – кажись, нам с ним по пути.

– А ты что, знаешь, куда он идёт? – спросил ещё один, одетый довольно прилично. Если дать ему дипломатик и ес-

ли бы он не был в стельку пьян, то его можно было принять за какого-нибудь бухгалтера или клерка.

Остальные трое постояли немного, непонимающе взгляды-ваясь в окружающую действительность, а потом отлучились по малой нужде в подворотню.

– Не, не знаю, но всё равно же вместе пойдём, ага? – сказал пьяный в фуфайке, обращаясь к Ярославу.

– Не уверен, что это хорошая идея, – ответил Ярослав.

– Что так? Тебе не нравится наша маленькая компания, ага?

– Просто мне сложно хоть куда-то идти, да и обуви у меня нет.

– Да, действительно, – пробормотал прилично одетый, ошалело глядя на необутые ноги Ярослава. – Реально же нет, Лёнь.

– Не свезло так не свезло. – Пьяница в фуфайке, которого звали Лёней, подошёл к Ярославу и обнял его за плечо. – Но ты нам Расскажи, станет легче, – сказал он сочувственно и увлёк Ярослава в подворотню.

Подворотня пятерых пьяниц представляла собой маленький, воняющий спиртом и мочой закуток, отгороженный и одновременно скрытый от остальной улицы густым кустарником. Посередке закутка стоял грубо сколоченный деревянный стол, уставленный полупустыми бутылками с дешёвым пивом и водкой. Возможно, когда-то на нём бывала и еда, ведь отчего-то же одинокая вилка на столе присутство-

вала, но сегодня, видать, не случилось. А вообще дела с посудой у парней обстояли крайне плохо. На всю компанию и на все бутылки нашлись лишь три жалкие металлические кружки, видимо, для наиболее привилегированных либо же для сумевших первыми дотянуться, сейчас, впрочем, никому не интересные. Трое справлявших нужду ещё не закончили и, стоя в рядок, самозабвенно орошали живую изгородь.

– Ну как тебе наш быт? – Лёня ногой перевернул одну из разномастных табуреток, которые валялись вокруг стола. – Понимаю, довольно скромно, но мы и не всегда тут бываем. – Он опустил на табуретку. – Только когда дома становится безумно скучно. Но почему-то в последнее время, – тяжкий вздох, – как-то зачастили такие дни, ага...

Ярослав пробормотал стандартные утешительные слова и развернулся, намереваясь уходить, как вдруг его остановил прилично одетый пьяница.

– Пока эти трое не пришли, – он кивнул на товарищей у изгороди, – давайте-ка по-быстрому сообразим на троих. Лёня, ты чё там, уснул, что ли?

Прилично одетый подёргал товарища за рукав. Подпиравшие подбородок руки, которые до того создавали солидную задумчивую позу, внезапно сложились и безвольно упали на стол, а голова свалилась на них сверху. Лёня действительно крепко спал.

– Гондон! – ругнулся прилично одетый. – Ну ладно, тогда на двоих... Хотя нет, вон ещё. – Он с надеждой посмотрел на

одного из своих друзей, который на ходу тянул наверх молнию штанов.

– На троих? – спросил подошедший, вытирая гавайской рубашкой одну из кружек.

– Кажется, уже на пятерых. – Ярослав безразлично указал на остальных двоих, которые тоже направлялись к столу.

– Тогда на пятерых, – объявил прилично одетый, – правда, Лёня в отключке...

Обрадованный, что в пятёрку его не включили, Ярослав бочком, не говоря ни слова, вышел из подворотни на свежую улицу. Она и впрямь показалась ему такой после чисто физического смрада и нравственной упадочности подворотни. Вдохнув полной грудью и преодолевая сразу напомнимую о себе боль в боку, Ярослав решил поскорее и подальше убраться от подворотни. Впрочем, пьяницы едва ли станут его преследовать. Это же ещё подняться из-за стола надо. Разве что за добавкой пойдут... За ночь запасы выпивки изрядно истощились, а жизнь лучше не стала.

Постепенно улица оживала: сновали ранние машины, открывались первые магазины и спешили куда-то прохожие. «Всё же не выходной... Очень уж... всех... много», – думал Ярослав и старался не замечать боли в босых ногах. Как мог, пытался завязать разговор. Правда, люди традиционно отводили глаза и проходили мимо. На вопросы и просьбы ответов не следовало. Лишь одна молодая женщина в белой дутой куртке посмотрела на него очень жалостливо и даже

остановилась. Она начала что-то говорить, но на полуслове осеклась и быстро-быстро продолжила свой путь. Догнать её Ярославу возможным не представлялось. Не в нынешнем состоянии. Он мог только кричать ей вслед, но она не оборачивалась и не смотрела на него больше. Это только дополнило впечатление, будто на улице он один, хотя людей накопилось уже порядком. Словно он – корабль, а люди вокруг – волны, которые расходятся от его бортов в разные стороны. А ведь так и было. Так и было... Дьявол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.